

УДК 94 (47).084.8
DOI 10.52452/19931778_2022_3_100

ВЛИЯНИЕ САБОТАЖНЫХ УГРОЗ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917 г.

© 2022 г.

М.А. Демидов

Общество изучения истории отечественных спецслужб, Москва

demidov71@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.03.2022

Исследуется взаимосвязь саботажа и решения о создании ВЧК. В частности, автор обращает внимание, что угроза масштабного саботажа послужила катализатором политических и правовых процессов в декабре 1917 г. и, как следствие, реакция на него изменила процесс последующего формирования системы правового регулирования борьбы с данной угрозой и повлияла на дальнейшее развитие структуры органов обеспечения безопасности Советской Республики, определив их место и полномочия в государственной системе.

Ключевые слова: саботаж, ВРК при ВЦИК, ВЧК при СНК, Великая Октябрьская социалистическая революция, борьба с контрреволюцией, большевики, органы безопасности.

При изучении особенностей и динамики структурных и политических изменений государственной системы Советской Республики в первые три месяца после Великой Октябрьской социалистической революции невозможно обойти вопрос обеспечения безопасности новой власти. Важной особенностью этого этапа государственного строительства стало отсутствие полноценной, специализированной структуры органов безопасности. В качестве следующей определяющей особенности можно выделить коллегиальность высших органов государственной власти, а также их политическую неоднородность и нестабильность.

Так, высшими органами государственной власти являлись: Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25 – 27.10.1917); избираемый съездами Советов, Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (ВЦИК); Совет Народных Комиссаров (СНК) Российской Советской Республики – высший исполнительный орган, образованный 26.10.1917 Постановлением II Всероссийского Съезда Советов; Петроградский военно-революционный комитет (ПВРК) при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов (Петросовет).

Последний был создан еще 12 октября 1917 г. для организации и проведения революции и свержения Временного правительства. В последующем на некоторое время стал центральным государственным органом с функциями организации охраны революционного порядка в Российской Советской Республике. 29 октября (11 ноября) ВЦИК выделил 13 представителей в состав Петроградского военно-революционного комитета. Из органа Петроградского совета ко-

митет официально превратился во всероссийский орган, приняв наименование **ВРК при ВЦИК** (здесь и далее выделено автором).

Обострение политического противостояния в Советской России между революционно настроенными силами и группами, не желавшими терять своих прежних господствующих позиций, перекинулось и в сферу функционирования государственного аппарата, что могло привести к полной дезорганизации его деятельности.

Именно это обстоятельство потребовало от Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, еще до образования органов государственной безопасности, определить саботаж в качестве политической угрозы и нацелить ВРК в Петрограде на борьбу с данным явлением. В качестве первоначальной меры обеспечения исполнительской дисциплины чиновников и противодействия саботажу с их стороны 1 ноября 1917 г. Комитет постановил прекратить выдачу жалования в случае невыхода на работу. Затем, 21 ноября 1917 г., в составе ВРК создана комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским¹, задачей которой стала борьба с контрреволюцией. 24 ноября злостные саботажники были объявлены врагами народа, а в ночь на 29 ноября начались аресты организаторов и участников саботажных процессов. Но характер складывающейся обстановки и расклад политических сил, участвующих в государственном строительстве, показали катастрофическую недостаточность принимаемых мер по противодействию саботажу и неспособность организации эффективной работы на этом направлении.

Разграничение полномочий и подчиненности между Советом Народных Комиссаров (СНК) и

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) было закреплено на заседании ВЦИК – 17 ноября 1917 г. издан специальный правовой акт, получивший название «Наказ (Конституция)» [1]. С этого момента СНК целиком ответственен перед ЦИК и все его законодательные акты общеполитического значения рассматривались и утверждались ЦИК.

Однако такая сфера деятельности, как борьба с контрреволюцией, получила альтернативную подведомственность, и СНК уполномочивался проводить соответствующие мероприятия, в том числе и «непосредственно» (п. 3 «Наказа»). Это имело важное практическое значение – СНК, как постоянно действующий государственный орган, мог более оперативно реагировать на угрозы контрреволюционного характера, в то время как ВЦИК (в соответствии с Положением о ВЦИКе от 2 ноября 1917 г.) основные решения мог принимать только на своих пленарных заседаниях, созываемых, как правило, два раза в месяц при кворуме от 50 до 25 процентов всех членов ВЦИКа в зависимости от важности рассматриваемых вопросов [2, с. 23–24].

При этом ключевым обстоятельством являлось существенное отличие партийного состава данных государственных органов, что сказывалось на принятии тех или иных решений. Если СНК, избранный Вторым съездом Советов, был полностью большевистским, то 101 член ВЦИКа, избранный данным съездом, включал: 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 социалист-революционер-максималист, что при решении политических важных вопросов часто порождало серьезные противоречия, для преодоления которых требовались серьезные усилия и значительное время. Левые эсеры через инициированные ими запросы во ВЦИК систематически проблематизировали вопросы исполнения и доверия решениям СНК, имевшим наиболее важное политическое значение.

Так, например, только в ноябре левые эсеры попытались во ВЦИК отменить Декрет СНК о печати, выступили против роспуска Петроградской городской думы и арестов ее членов, закрытия Сената, выражали протест из-за арестов членов Учредительного собрания.

Одновременно и параллельно с ВЦИК и СНК действовал и ВРК с функциями охраны революционного порядка, борьбы с грабежами и пьяными погромами [3, с.395]. Политические платформы большевиков, меньшевиков, левых эсеров и анархистов, входивших в ВРК, имели серьезные противоречия по вопросам политиче-

ских репрессий. Уравновесить эти силы позволил новый регламент проведения арестов – только по ордеру Бюро ВРК², то есть на основе коллегиального решения.

СНК же в указанный период (конец октября – начало декабря 1917 г.), как уже говорилось, являлся однопартийным большевистским органом государственной власти, способным оперативно реагировать в рамках своих полномочий на постоянно появляющиеся вызовы и угрозы действующей власти.

Одним из уязвимых мест формировавшегося государственного аппарата являлась неустойчивая система исполнительных органов, состоявших в большей части из бывших чиновников, оставшихся от правительства Керенского или еще с царских времен. Для новой власти смертельными могли оказаться как полное упразднение этой ненадежной исполнительной структуры решением «сверху», так и её паралич «изнутри». В любом случае, действующая власть, лишенная механизма реализации ее решений, становится недействующей – все её волеизъявления превращаются в декларации о намерениях, и не более.

Критический момент для обеспечения управляемости государственным аппаратом настал 5 декабря 1917 года, когда СНК стало известно о попытке организации «Малым советом министров» (из членов свергнутого Временного правительства) массового саботажа в среде действующих госслужащих – всероссийской забастовки чиновников. Реагировать на эту смертельную для новой власти угрозу должен был Петроградский военно-революционный комитет.

Однако, как обозначено выше, состав ВРК был неоднородным, что генерировало политические конфликты, затяжные дискуссии, основанные на взаимной непримиримости по ряду важных, судьбоносных вопросов. Это было сознательное, идеологически мотивированное противостояние в работе ВРК, которое оценивалось большевиками как угроза безопасности власти революционного правительства и деятельности государственного аппарата. В условиях, требующих немедленного реагирования, такая излишняя дискуссионность превращалась в умышленную волокиту и ликвидацию невосполнимого ресурса – времени, что неизбежно вело к победе контрреволюционных сил в стране.

Объемную характеристику ситуации дал очевидец и участник тех событий М.И. Лацис: *«В числе контрреволюционных элементов первое место занимали лжесоциалистические партии. Военно-Революционному Комитету приходилось в первую голову сталкиваться с ними. А у них имелись свои «плакальщицы» в*

составе Военно-Революционного Комитета в лице левых социал-революционеров. Последние сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая «общечеловеческую» мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей большевиков **становилось ясным**, что совместно с ними будет немыслимо вести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигалась **мысль** о создании нового органа борьбы с контрреволюцией **вне** Военно-Революционного Комитета. Исходя из этих соображений, 7 декабря 1917 года Советом Народных Комиссаров было принято следующее постановление об организации ВЧК...» [4, с. 8].

В приведенном описании ситуации целесообразно обратить внимание на слова *становилось ясным*. Данное выражение дает основание предположить, что понимание о «немыслимости» ведения борьбы с контрреволюцией совместно с «лжесоциалистическими» партиями стало результатом достаточно длительного накопления фактов и закономерного перехода их количества в новое качество ситуации. То есть данный скачок-изменение, окончательное понимание наличия непосредственной и смертельной угрозы для власти большевиков (контрреволюционной деятельности в форме саботажа) сформировалось у их руководства к 5 декабря 1917 г.

В пользу этого предположения также относится признание М.И. Лациса, что до декабря 1917 г. существовала только «мысль о создании нового органа борьбы с контрреволюцией вне ВРК». Мысль как потенция, способная длить свое существование сколько угодно без катализатора, приводящего ее к реализации на практике.

Таким образом, когда остро назрела необходимость безотлагательных действий и быстрых реакций на вызовы, большевикам потребовалось либо устранить **многопартийность как фактор, парализующий** практическую работу ВРК, либо учредить альтернативный орган, не обремененный излишним формализмом и обладающий монолитной решимостью в достижении поставленных задач. Но легитимно и своевременно убрать конкурентов из состава ВРК или ускоренно создать что-то новое (силовую структуру, подчиненную только РКП(б)) решениями ВЦИК было нереально. В этом замкнутом круге «невозможностей» проявилось то, что само существование ВРК в указанном виде стало представлять опасность для завоеваний революции в целом и власти большевиков в частности.

Большевики подошли к вопросу нестандартно, но безупречно с правовой точки зрения и решили оба вопроса зараз. Используя вполне

демократические инструменты – имея большинство в ВРК, они устроили самороспуск данного Комитета 5 декабря 1917 г., избавив СНК от «дублера» и конкурента в исполнительной системе, и тем самым способствовали созданию и функционированию более надежной государственной структуры и концентрации управления центральными органами исполнительной власти в своих руках³.

Затем 7 декабря 1917 года, в ходе заседания Совета Народных Комиссаров (который состоял из представителей РСДРП(б)), используя права, закрепленные в п. 3 «Наказа», было принято решение о создании специального государственного органа, изначально нацеленного на борьбу с саботажем как явно контрреволюционным явлением, что и закрепили юридически в пункте 9 протокола СНК № 21 от 7 (20) декабря 1917 года [6, с. 23–24]. Основой для этого решения послужило рассмотрение доклада Ф.Э. Дзержинского «об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем»⁴. Сама же комиссия получила первоначальное наименование как Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем⁵.

Попытка мобилизации антибольшевистскими силами государственных служащих во всероссийском масштабе на свержение советской власти, сформированная *угроза саботажа* со стороны чиновников «из бывших» (не уволенных новой властью) в начале декабря 1917 г. в условиях смены всего общественного строя и начала формирования советской государственности стала *одной из главных причин и непосредственным поводом* образования первого советского органа государственной безопасности.

Так многопартийный ВРК заменила однопартийная ВЧК при однопартийном же, на то время, СНК⁶: в условиях чрезвычайной необходимости экстренного принятия мер по борьбе с саботажем и контрреволюцией, ВЧК создавалась по инициативе СНК и при нем – при органе, который был постоянно действующим, полностью большевистским по своему составу и наделенным ВЦИК правом «*непосредственно проводить мероприятия по борьбе с контрреволюцией*». Последнее условие позволило СНК быстро и своевременно создать ВЧК, юридически закрепив статус «*Комиссии при СНК*» и её полномочия не декретом, а обычной записью в протоколе СНК под № 21 от 20 (07) декабря 1917 г.

Из всех деструктивных факторов кризисного периода становления советской власти именно саботаж, как социально-политическое явление, ставшее осознанной угрозой безопасности, послужил одной из причин и поводом создания

специальной властной структуры в лице ВЧК, нацеленной на противодействие и пресечение данного явления. Кроме того, сам факт «криминализации» саботажа и запуск механизма его подавления (сначала в рамках Комиссии ПВРК, затем – ВЧК) возымел профилактический эффект.

Углубляясь в изучение всей совокупности причинно-следственных связей, приведших к созданию ВЧК, представляется необходимым увидеть за рамками понимания очевидности угроз со стороны контрреволюции значение и роль «про-революции» – революционных союзников самих создателей ВЧК.

После взятия власти потребовалось закреплять и развивать новые возможности, налаживать механизмы изменения жизни сообразно проектам разнородных политических партий и движений. Вызванное этими процессами противодействие обусловило принятие мер обеспечения безопасности выстраиваемой системы государственного управления.

Однако обозначенные в начале статьи особенности изучаемого этапа государственного строительства, такие как отсутствие структуры органов безопасности, коллегиальность высших органов государственной власти, их политическая неоднородность и нестабильность, создали серьезные предпосылки для сковывания действий более успешных политических игроков – большевиков. В этих целях левые эсеры, социал-демократы-интернационалисты и влияющие на них общественные группы и движения, злоупотребляя своими возможностями, генерировали множество разнородных инициатив, протестов, запросов и т.п., требующих реагирования (своего рода отвлечение сил конкурентов на «негодный объект»).

Когда появилась необходимость ускоренного создания действенного инструмента по борьбе с возникшей проблемой, указанные политические рычаги торможения революционных преобразований приобрели фатальный характер для работы всей новой властной системы, так как в этот момент основной внутренней угрозой становится возможность парализации или деструктивного изменения всей траектории развития государства в результате саботажа чиновничества – исполнителей революционных решений.

Именно необходимость преодоления саботажа политических «коллег» по революции, по вопросу организации эффективного противодействия готовящемуся саботажу чиновников и сформировала схему политического и правового ответа большевиков на данный вызов.

Перед последними встала дилемма: либо преодолеть саботаж политических конкурентов, ставших источником промедления там, где оно

«смерти подобно»; либо потерять возможность административного управления реформационными процессами, а в конечном итоге – утратить и власть как таковую. Этот вызов требовал практически мгновенного ответа, потому как возникла необходимость отработать на упреждение, получив информацию еще только о формировании угрозы (до начала всероссийской забастовки чиновников) и ликвидации уже назревшей производственной проблемы в столице.

Антибольшевистские силы осуществляли фактический **саботаж борьбы с саботажем** в органах, которые могли и должны были организовывать и реализовывать меры по борьбе с указанным явлением – во ВЦИК и ПВРК. Имевшаяся у большевиков возможность преодолеть это противодействие, используя численный перевес при голосовании, отягощалась необходимостью продираться сквозь все «процедурные вопросы». Затратность по времени этого варианта реагирования придавала ему такое же ничтожное значение, как и отсутствие какой-либо реакции. А время в преддверии старта общероссийской забастовки чиновников очевидным образом работало не в пользу большевиков. Таким образом, потеря полученного небольшого временного ресурса, отведенного на организацию противодействия угрозе саботажа чиновников, давала результат аналогичный полному бездействию – то есть политический провал и поражение.

В условиях обострившихся внутривластных противоречий по организации борьбы с подготовленным масштабным саботажем вырабатывается внутренне детерминированный алгоритм защиты большевиков – сначала преодоление саботажа политиков-руководителей (входящих в состав властных структур ВЦИК, ВРК), затем ликвидация саботажа чиновников-исполнителей (госслужащих).

Первая составляющая задачи решена через «самороспуск» ВРК, вторая – работой специально созданной ВЧК при СНК.

Трудно не согласиться с тезисом о том, что совместное сосуществование ВРК и СНК было обречено изначально. Однако тенденции политического развития, соотношение сил в изучаемый период дают основания предположить, что без активизировавшейся угрозы саботажа чиновников имевшийся статус-кво между различными политическими силами мог сохраняться и далее, до следующей точки бифуркации идеологических платформ. Такой, как, возможно, вопрос о необходимости заключения мирного договора с Германией.

Забастовочно-саботажный размах нарастал весь период с начала революции. Саботаж и

забастовки давали определенный эффект воздействия на власть, как инструмент, применявшийся и самими революционными силами еще до октября 1917 г., так и как средство сопротивления им же самим после взятия власти в России. Однако к началу декабря стали появляться новые окраски в призывах и наименованиях саботажных акций – «Всероссийская». Такая нацеленность уже переставала оцениваться как исключительно декларативное желание придать вес той или иной акции конкретной политической структуры.

Критической ситуация стала, когда назрел переход этого количества стачек, забастовок и саботажей в качественно иное состояние. Осознанию этого изменения способствовали: во-первых, письмо в СНК Наркомпрода РСФСР «О саботаже чиновников министерства продовольствия» от 5 (18) декабря 1917 г., где сообщалось о фактической провокации возможного голодного бунта. И не где-то на периферии, а непосредственно в столице. Если это допустить, то власть не удержат. Очевидные параллели с январем–февралем 1917 года давали возможность понимать, что это уже «красная линия». С аналогичной акции началась операция крупной буржуазии и аристократической элиты Российской империи по «отречению» царя от престола, приведшая к полному демонтажу монархии, оформленному юридически в сентябре 1917 г. провозглашением Керенским Российской Республики.

Во-вторых, указанная ранее телеграмма Малого совета о всероссийской забастовке чиновников, которая организовывалась силами, способными к концентрации и управлению протестными настроениями госслужащих.

Думается, что до декабря 1917 г. имевшиеся масштабы саботажа на местах были еще не столь опасны для большевиков, так как данные акции не имели единого руководства. К тому же на местах существовало разное соотношение политических сил – не было однородности ситуации. Но в столице принятие требований саботажников из Министерства продовольствия означало реальную сдачу политической власти. Об этом прямо говорит в своём письме от 5 декабря 1917 г. Народный комиссар продовольствия⁷.

С начала революции формировались объективные условия, факторы, которые вели к расколу и необходимости обоюдных кардинальных решений со стороны политических конкурентов по отношению друг к другу. Думается, что именно угроза саботажа, ведущего к параличу административного управления в совокупности с провокацией продовольственного кризиса в столице, спровоцировала рассматриваемые рис-

кованные политические и административные меры большевиков. Проблема такого масштаба оказалась способна вызвать столь существенное одностороннее и внезапное изменение структуры силовых органов государства. Важно отметить, что данная трансформация фактически отстранила остальные властные силы от практической борьбы с контрреволюцией, а следовательно – от соответствующих полномочий и рычагов влияния на политическую ситуацию.

Важно отметить очевидность того, что ранее имевшиеся идеологические противоречия резко обострились из-за необходимости силовой ликвидации угрозы саботажа чиновничества. Это обстоятельство придало иной темп развитию политических процессов и значительно ускорило завершение периода одновременного существования ВРК и СНК [5].

При этом трудно поставить под сомнение, что ВРК (ПВРК) «распустили» не из-за того, что он не имел возможности оказать какое-то противодействие имевшемуся уровню преступности и **текущему** масштабу саботажных проявлений и контрреволюции. Данная структура противодействовала таким угрозам с самого начала своей деятельности и ликвидировать ее за «плохую работу» по итогам предыдущего периода не было оснований.

Но также может быть справедливо мнение, что самороспуск ВРК произошел и не потому только, что ликвидация ВРК была исторически предрешена⁸. Действительно, ВРК мог быть распущен хоть на следующий день после того, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция, – формальная цель его создания была достигнута. Но поскольку старые министры были арестованы, а комиссариаты существовали фактически только на бумаге, то жизненные хозяйственные вопросы и вопросы безопасности пришлось выполнять ВРК, который имел две недели опыта своей деятельности. Более того, в нем создаются отделы и комиссии, дублировавшие систему наркоматов СНК, а затем эти структуры ВРК сливались с соответствующими наркоматами, и дело постепенно шло к ликвидации ВРК.

Для данного исследования интерес представляет реальный способ ликвидации ВРК именно на данном этапе постреволюционной сборки государства. Эта структура не отменена или не заменена эволюционным путем, постепенно согласованным решением всех властных сил с соблюдением соответствующих процедур согласования и принятия решения (в т.ч. и о преемнике полномочий ВРК). **Напротив**, это осуществлено единоличной волей «большевицкого большинства» в самом ВРК внезапным рывком.

При этом на данном этапе не произошло официальной и кардинальной смены форм и методов противодействия контрреволюции и саботажу. А значит, вряд ли соответствующий мотив мог быть причиной структурных изменений. Необходимость немедленного перехода от чисто революционных средств, характерных и для ВРК, к исключительно оперативно-следственным средствам категорично не заявлена. Такое «перевооружение» ВЧК произошло не сразу. Формально этот переход осуществлен несколько позже⁹. Но на начало декабря 1917 г. в протоколе № 21 за ВЧК не закрепляются принципиально новые формы работы и меры воздействия, которые бы не применялись до этого¹⁰.

Думается, что при обосновании указанных тезисов о структуре причинности появления ВЧК важно акцентировать внимание на хронологической (и логической) подробности. Между появлением информации об угрозе саботажа чиновников и созданием ВЧК находится факт окончательного ужесточения оценки большевиками характера действий иных властных политических сил. Восприятие содержания поступков меньшевиков, левых эсеров и анархистов, входивших в ВРК, как относительно приемлемого и обусловленного общими правилами политического противодействия сменилось убеждением в том, что это не что иное, как «парализация защиты от смертельной угрозы». Последнее является де-факто соучастием (пособничеством) в готовящемся отстранении большевиков от реальной власти посредством саботажа.

Хронология (частично) событий в Петрограде: 5 (18) декабря 1917 г., вторник. Письмо Наркомата продовольствия РСФСР «О саботаже чиновников министерства продовольствия».

Телеграмма Малого совета министров Временного правительства с призывом к служащим и чиновникам к Всероссийской забастовке.

Городская управа Петрограда (большевики) объявила локаут всех бастующих служащих.

«Самороспуск» ВРК большевистским большинством.

5–6 (18–19) декабря 1917 г., вторник–среда. Конфликт «Викжеля» и Совнаркома вокруг управления Министерством путей сообщения, вызванный заявлением «Викжеля» о принятии им управления Министерством путей сообщения и последующей оккупацией управления Министерством путей сообщения большевистскими частями.

5–17 (18–30) декабря 1917 г. Забастовка служащих фабрики Керстена.

6 (19) декабря 1917 г., среда. Решение Союза союзов служащих государственных учреждений о Всероссийской политической забастовке.

Заседание Совета Народных Комиссаров по вопросу: «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе».

7 (20) декабря 1917 г., четверг. Создание Всероссийской Чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажом.

Обсуждение в СНК вопроса: «О возможности Всероссийской почтово-телеграфной забастовки».

Следует отметить, что все эти события происходили на фоне объявления партии «кадетов» врагами народа и официального их перевода в разряд непримиримых и категорических противников, а также неудачного для большевиков процесса выборов в Учредительное собрание (после чего к контрреволюционерам отнесены также меньшевики и правые эсеры).

В этот момент, в условиях начала декабря 1917 г., «злоупотребление правом», если пользоваться гражданско-правовой терминологией, со стороны оппонентов большевиков объективно перешло из категории политических проблем (преодолимых медленно, но уверенно) в разряд смертельной угрозы новой власти в виде **саботажа борьбы с саботажом**. Такая трансформация обусловила весь дальнейший комплекс мер, принятый для устранения именно этого препятствия на пути предотвращения продовольственного кризиса в столице и эффективного пресечения готовящейся всероссийской забастовки чиновников.

Эти события вызвали необходимость создания ВЧК в связи с отсутствием реальной возможности организовать необходимое противодействие угрозе всероссийского масштаба имеющимися политическими силами и средствами.

Если рассуждать абстрактно, то отдельно взятый факт какой-либо угрозы (в данном случае саботажа чиновников исполнительной власти) **при наличии в распоряжении действенного инструмента или механизма устранения** этой опасности не может быть автономным и к тому же ключевым фактором создания иного, нового, но аналогичного по своему предназначению, инструмента. Особенно это представляется излишним в условиях цейтнота.

Можно сделать предположение, что были две непосредственные причины, вызвавшие одно следствие – создание ВЧК. И одна без другой, каждая по отдельности, они не могли стать катализатором экстренного самороспуска ВРК и учреждения ВЧК в условиях России декабря 1917 г.

Взаимозависимость указанных причин видится в следующем.

Сам по себе саботаж чиновников, при действенном ВРК, не связанном стремлением его членов «злоупотребить своим правом» в политических целях, – преодолим. Аналогично решался бы вопрос защиты от всероссийской забастовки чиновников при наличии возможности своевременного переформатирования и активизации ВРК через ВЦИК. Но последний имел схожие обременения.

Вместе с тем сам по себе саботаж «коллег по революции» при отсутствии экстренной, критической угрозы для власти большевиков также преодолим процедурными способами на Съездах Советов, во ВЦИК или непосредственно в ВРК. Наверняка, но очень небыстро.

При этом имеется очевидное обстоятельство, что между получением информации о двойной угрозе: продовольственный ультиматум и готовящийся саботаж чиновников (причины) – и появлением ВЧК (следствие) находится факт самороспуска ВРК. Думается, что такой маневр можно рассматривать в качестве **обязательного условия** для возможности принятия решения СНК о создании **нового** силового инструмента, полностью подчиненного **только** своему «создателю». При этом обязательный характер данному условию придало блокирование усилий большевиков по организации эффективных мер защиты, адекватных угрозе. Соответственно, самороспуск ВРК, обусловивший возможность создания ВЧК, является следствием, реакцией на саботаж борьбы с саботажем.

Руководители большевиков, досконально зная опыт Парижской Коммуны 1871 г., где для её защиты была создана Комиссия общественной безопасности, с самого начала Великой Октябрьской социалистической революции, еще до образования ВЧК, создавали аналогичные органы в лице ВРК в армии и в крупных городах, органы рабочей милиции, соответствующие отделы Советов на местах, в Петрограде – Комиссия Бонч-Бруевича по борьбе с пьяными погромами и т.п. Однако до 5 декабря 1917 г. вопрос о необходимости создания однопартийного органа по борьбе с контрреволюцией и саботажем, **подчиняющегося только СНК**, не находился в фокусе политической жизни. Еще раз собираясь процитировать воспоминания очевидца тех событий М.И. Лациса, обратим внимание, что вопрос создания «*нового органа борьбы с контрреволюцией вне Военно-Революционного Комитета*» [4, с. 8] не был практической задачей, а существовал в виде «*мысли*», умозрительной потенции. Думается, что это длящееся состояние могло существовать сколько угодно без катализатора действий. При этом еще раз важно отметить, что даже в таком

виде мыслилось всего лишь о «*новом органе вне ВРК*». Видимо, идея о ликвидации «ВРК при ВЦИК» не была в фокусе внимания большевиков. И тем более трудно было в рабочем порядке планировать создание полностью однопартийной силовой структуры «при СНК» – фактически чисто большевистского органа, который не имел статуса министерства, а значит, во многом и не зависел от ВЦИК. В условиях многопартийного революционного управления страной, до поры до времени, можно было только мечтать о создании легитимного и при этом сугубо своего «вооруженного отряда партии», имеющего широчайшие официальные полномочия. Отряда, деятельность которого не зависит от стихийных политических раскладов и затяжных административных или политических процедур.... Такая пора настала 5 декабря 1917 г., и уже 7 (20) декабря 1917 г. большевики вытянули этот «козырь».

Из сказанного выше можно сделать следующий вывод.

Угроза саботажа – всероссийской забастовки «бывших» государственных служащих (не уволенных новой властью) в декабре 1917 г. стала катализатором обострения внутривнутриполитических противоречий внутри победивших революционных сил. Необходимость экстренной ликвидации данной угрозы обусловила самороспуск ВРК, возможности которого по своевременному и эффективному (адекватному характеру и масштабу угрозы) реагированию блокировались представителями не большевистских партий либо существенно затягивали данную реакцию, что было эквивалентно полному ее отсутствию.

Совокупность данных обстоятельств стала *главной причиной* образования первого советского органа государственной безопасности под названием «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем». *Непосредственным поводом* выступила угроза саботажа в виде готовящейся всероссийской забастовки чиновников, как наиболее опасной формы внутренней контрреволюционной деятельности на конкретный момент.

ВЧК создавалась по инициативе СНК и при нём – при структуре, которая являлась постоянно действующим государственным органом, полностью большевистским (на момент создания ВЧК) и наделенным со стороны ВЦИКа правом «*непосредственно проводить мероприятия по борьбе с контрреволюцией*». Обладая таким статусом, СНК смог в той чрезвычайной обстановке быстро и своевременно принять экстренные меры по образованию ВЧК, юридически оформив это в

рабочем порядке записью в своём Протоколе № 21 от 7 (20) декабря 1917 года¹¹.

Поскольку меры по противодействию саботажу нужно было принимать экстренно (в течение суток), то образование ВЧК было оформлено решением Совета Народных Комиссаров Российской Советской Республики. При этом статус ВЧК – как «Комиссии при СНК» и её полномочия юридически были закреплены не декретом, а обычной записью в протоколе СНК под № 21. По-другому (например, образованием наркомата вместо комиссии) эта проблема при той политической обстановке и не могла быть решена, ибо создание подобного наркомата и издание соответствующего декрета о нем потребовало бы рассмотрения и утверждения данных мер – во ВЦИКе, который, в силу своего неоднозначного состава и особого рабочего регламента, не смог бы сделать это с нужной политической оперативностью.

Совместное сосуществование ВРК и СНК было проблематично и без указанных обстоятельств, но именно саботажные проявления, имеющие повышенную опасность, разрушительный потенциал, а также и решения, принятые в качестве реакции на данную угрозу, исторически прервали это совместное существование.

Саботаж послужил катализатором политических процессов, и, как следствие, реакция на него изменила процесс последующего формирования системы правового регулирования борьбы с данной угрозой и повлияла на дальнейшее развитие структуры органов обеспечения безопасности Советской Республики, определив их место и полномочия в государственной системе.

Примечания

1. В комиссию входили: Ф.Э. Дзержинский, Н.А. Скрышник, И.П. Флеровский, Г.И. Благодеров, А.В. Галкин и В.А. Трифонов.

2. Руководящее бюро также не было едино. В него входили большевики: Н.И. Подвойский, В.А. Овсенко (Антонов) и А.Д. Садовский, левые эсеры: П.Е. Лазимир и Г.Н. Сухарьков.

3. Более подробно механизм принятия данного решения и детали его реализации изучены и опубликованы в Трудах Академии ФСБ, 1996, № 54 (Демидов А.М. Социально-политические предпосылки создания Всероссийской Чрезвычайной Комиссии) [5].

4. П. 9 протокола № 21 заседания Совета Народных Комиссаров от 07 (20) декабря 1917 года: «Слушали: 1. Доклад Дзержинского об организации и составе комиссии по борьбе с саботажем».

5. Пункт № 9 Протокола № 21 заседания Совета Народных Комиссаров от 07 (20) декабря 1917 года: «Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по

борьбе с контр-революцией и саботажем и утвердить ее. /опубликовать/». С августа 1918 г. – «ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности» (должностные преступления не заменяли «саботаж», так как не каждый чиновник является должностным лицом).

6. В начале января 1918 г. внутренняя политическая обстановка в Советской России крайне обострилась в связи с созывом, а затем и роспуском Учредительного собрания. В этих условиях ленинское руководство, чтобы сохранить советскую власть, было крайне заинтересовано в союзе с партией левых эсеров, которые по многим вопросам поддерживали линию большевиков. С целью укрепления этого союза левые эсеры получили от большевиков высокие посты и в СНК (возглавили 4 наркомата) и в самой ВЧК. Так, 8 (21) января левый эсер Александрович был назначен заместителем председателя ВЧК. Но вскоре эсеры изменили большевикам, и уже 8 июля 1918 г. (через два дня после начала левозэсеро-эсерского мятежа) Александрович, как активный участник данного заговора, был расстрелян.

7. Письмо Наркомпрода РСФСР «О саботаже чиновников министерства продовольствия» от 5(18).12.1917 г. Орфография оригинала: «Попытка пробудить у членов Всероссийского Совета чувство гражданской совести и стыда за саботаж продовольственных чиновников оказалась безцельной. Изъяснений Народных Комиссаров по продовольствию и по военным делам с четырьмя делегатами "Всероссийского Совета" вполне определенно выяснилось, что вопрос идет не о дешевом соглашении, [а] о признании "Совета" правомочным органом власти, в руки которого должен быть передан, на правах верховного руководства, весь аппарат продовольственного дела по всей России. Другими словами говоря, "Всероссийский Совет" требует, **подъ видом хозяйственных задач продовольственного дела, передачи политической власти в руки одной из отраслей государственного управления**».

8. Хотя убежденность в фатальной исторической предрешенности событий часто опровергается на практике. Любая «заданность» развития процессов – это всегда потенция, а не факт («неизбежность» развала СССР, например, сначала – это фантастика, затем, до определенного момента, – возможность и только потом – реальность).

9. Например, приказ Ф.Э. Дзержинского от 8 января 1921 года ВЧК «О карательной политике органов ЧК» [7, с. 417–421].

10. Протокол № 21 (орфография оригинала): «Задачи комиссии: 1/ пресечение и ликвидация всех контр-революционных и саботажн. попыток и действий по всей России, со стороны кого-бы они ни исходили; 2/ предание суду военно-революционного трибунала всех саботажников и контр-революционеров и выработка мер борьбы с ними. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения». Однако меры борьбы с ним были определены достаточно специфично для того

времени: «конфискация, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.». Эти меры применялись непосредственно самой ВЧК, в основном как предупредительные меры административного воздействия. При необходимости и наличии оснований для более сурового воздействия на контрреволюционеров и саботажников (злостный саботаж) виновные привлекались к уголовной ответственности через «суд военно-революционного трибунала».

11. Решение СНК, высшего исполнительного органа (правительства Республики), оформленное протоколно, устанавливающее конкретные права, обязанности (задачи и меры, состав и подчиненность, ответственность и т.д.), – имеет признаки правового документа. Протокол закрепляет коллективное волеизъявление уполномоченных на это лиц, оформленное документально и опубликованное, действующее на постоянной основе, общеобязательное, распространяющееся на неопределенный круг лиц. Это не идеологическая декларация, протокол не отменяет иные политические или силовые структуры, он устанавливает новый формат противодействия угрозам революционному порядку.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.
2. Клеандрова В.М. Правовые основы организации и деятельности ВЦИК в первый период существования РСФСР (1917–1924 гг.). М.: Высшая школа КГБ при СМ СССР, 1959. С. 23–24.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А. Голуба, Ю.И. Кораблева, М.И. Кузнецова, Ю.Ю. Фигатнера. 3-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 395.
4. Лацис М.И. Организационный отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Первая организационная часть. М., 1922.
5. Демидов А.М. Социально-политические предпосылки создания Всероссийской Чрезвычайной Комиссии // Труды Академии ФСБ. 1996. № 54.
6. В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 23–24.
7. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сборник документов. М., 1958. С. 417–421.

THE INFLUENCE OF SABOTAGE THREATS ON THE PROCESS OF FORMATION OF THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF THE SECURITY OF THE SOVIET GOVERNMENT IN 1917

М.А. Demidov

The article examines the relationship between sabotage and the decision to create an All-Russian Emergency Commission for Combating Counterrevolution and Sabotage. In particular, the author draws attention to the fact that the threat of large-scale sabotage served as a catalyst for political and legal processes in December 1917 and, as a result, the reaction to it changed the process of subsequent formation of the legal regulation system to combat this threat and influenced the further development of the structure of the security agencies of the Soviet Republic, determining their place and powers in the state system.

Keywords: sabotage, the Military Revolutionary Committee under the Central Executive Committee, the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage under the Council of People's Commissars, the Great October Socialist Revolution, the fight against counterrevolution, the Bolsheviks, security agencies.

References

1. Decrees of the Soviet government. V. I. October 25, 1917 – March 16, 1918 M.: State Publishing House of Political Literature, 1957.
2. Kleandrova V.M. Legal foundations of the organization and activity of the Central Executive Committee in the first period of the RSFSR (1917–1924). M.: Higher School of the State Security Committee under the Council of Ministers of the USSR, 1959. P. 23–24.
3. The Great October Socialist Revolution. Encyclopedia / Ed. by P.A. Golub, Yu.I. Korablev, M.I. Kuznetsov, Yu.Yu. Figatner. 3rd ed., add. M.: Soviet Encyclopedia, 1987. P. 395.
4. Latsis M.I. Organizational report of the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage for four years of its activity. The first organizational part. M., 1922.
5. Demidov A.M. Socio-political prerequisites for the creation of the All-Russian Extraordinary Commission // Proceedings of the Academy of the Federal Security Service. 1996. № 54.
6. V.I. Lenin and the All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage: Collection of documents (1917–1922). M., 1987. P. 23–24.
7. From the history of the All-Russian Extraordinary Commission (1917–1921): Collection of documents. M., 1958. P. 417–421.